

1975

**Людвик Ашкенази «Чёрная шкатулка»
Постановка В.Донсков и В.Дмитриев**

Александр Гурвич (в ТЭФФе 1970-78 г.г., кандидат физ.-мат. наук, адвокат, г.Москва):

Год был 1975-й. В этот год отмечалось тридцатилетие Победы. Что ставить – было совершенно непонятно. Понятно, что должно было быть что-то, связанное с торжественной датой. Но вот что?

К этой дате мы все относились трепетно. Нам было ясно, что постановка самостоятельными силами чего-то "про войну" могла выглядеть пародийно. Хотелось же всерьез.

Время шло, а ничего не придумывалось.

И тут я вспомнил, что когда-то моей троюродной сестре подарили книжку. Автором книжки был чехословацкий антифашист Людвик Ашкенази. Это была книга прекрасных черно-белых фотографий, снабженных чудесными новеллами. Там не было солдат, но была война. Война и мирная жизнь. И философские притчи. Война через призму обычного мирного жителя, через разговор с ребёнком, идущим в газовую камеру, через глаза японской девочки, радостно глядящих на чудный грибочек ядерного взрыва. Нет, спокойно те новеллы читать было нельзя – на глаза сами наворачивались слёзы.

Я ходил в городскую библиотеку имени Горького и принес оттуда книгу. Её не было в абонементе – только в читальном зале, но мне удалось уговорить выдать ее на руки. Всего на три дня. За это время книгу успели сфотографировать и сделать слайды. Всего было отобрано 12-15 новелл. На сцене было два микрофона, расположенных по ее краям. В центре был большой экран, куда проецировались слайды. И еще была музыка.»

Владимир Дмитриев (в ТЭФФе 1974-88г.г., д. ф.-м. н., зав. лаб., The European Synchrotron Radiation Facility, Гренобль, Франция):

«Пересказ содержания спектакля займет больше времени, чем он длился. Шел он на фоне музыки, сорт мелодекламации. Музыка для каждого фрагмента пришлось подбирать самому, самому же монтировать фонограмму. Это был мой первый опыт музыкального редактирования, поэтому не обошлось без помощи профессионалов. Большинство музыкальных фрагментов находились довольно быстро - всплывали из глубин памяти необходимые или похожие мелодии.

Для вступления удивительно точно легла композиция популярной в то время польской группы "Скальды" - фортепианные аккорды, а потом крик новорожденного ребенка.»

Александр Гурвич:

«... Дмитриев решил потрясающую по сложности задачу.

Дело в том, что музыка должна была звучать между новеллами, не мешая чтению. И иногда роль страшной музыки играла тишина. Такая тишина, когда мурашки бегут по коже.

Так вот, было четко хронометрировано все: время чтения данной новеллы, время музыки, время тишины.

Музыку подбирал сам Володя Дмитриев.

Спектакль оказал сильнейшее эмоциональное воздействие и на зрителей, и на исполнителей.»

Владимир Дмитриев:

«...с одним фрагментом никак не удавалось справиться, причем сам же я его и читал:

*Кто его знает: это было или только будет?
С последней войны возвращался последний военный оркестр.
Три геликона, три баритона, литавры, барабан
и одна внештатная флейта.
За ними шел последний,
единственный капрал запаса... и т.д.*

Хотелось, чтобы при этом звучала протяжная, тоскливая мелодия. Лучше, одинокая труба.

Промучившись несколько дней, зашел в МузПед, рассчитывая на помощь друзей и богатую фонотеку института. Приятелю своему Саше Селицкому, аспиранту-теоретику, объяснил замысел. Саша (теперь уже Александр Яковлевич, доктор искусствоведения, академик РАЕН и профессор) сам очень артистичный человек, сразу схватил суть, стал предлагать варианты, которые тут же и отвергал из-за наличия в них других инструментов.

Мучались теперь уже вдвоем.

Тут в дверь заглянул молодой человек, имевший вид хронического задолженника. Взгляд, устремленный на Селицкого, подтверждал первое впечатление - зачета по истории музыки у него не было, а реакция молодого педагога его и не обещала. Но тут Саша вдруг просветлел и закричал: "А ну заходи, бездельник! Сейчас мы тебя проэкзаменируем". А для меня добавил вполголоса: "Талантлив, обормот". Студент опасно вошел и ... Чудо! В руках у него я увидел волторну! Таковую же, как на фотографии в книге Ашкенази! Пять минут беседы профессионалов закончились великолепным

соло на волторне. И было в нем столько неподдельной тоски, что я уговорил своего друга немедленно поставить зачет молодому дарованию. А музыкальный этот фрагмент, сразу же в аудитории и записанный, стал одним из украшений спектакля.

Вообще же спектакль был рассчитан буквально по секундам, даже необходимые паузы для смены актеров на сцене были врезаны в фонограмму. Я с секундомером измерял время, которое каждый актер тратил на проход от кулисы до микрофона.»

Ирина Бабенко-Рудый (в ТЭФФе 1973-1977 гг., г.Фрязино):

«Запомнилось, как после репетиций отдельных фрагментов из "Черной шкатулки" решили прогнать все целиком под фонограмму, и то потрясение, которое испытали все присутствующие, когда из отдельных мозаик сложилось единое целое.»

Владимир Дмитриев:

«На премьере все работали просто фантастически, концентрация эмоций была невероятной. Помню, Татьяна Белоусова закончив свой фрагмент "Стена":

*В одном храме выложили стену необычной мозаикой.
Из букв, цифр и крестиков.
То была мозаика из имен и фамилий,
из Адамов, Яковов, Циль и Давидов,
из Эмилей, Соломонов, Иосифов, Рахилей,
словом: из евреев. И у всех был один надгробный камень,
холодный, гладкий, с тонкими прожилками.
И ни одного цветка возле них,
и не цвели здесь плакучие ивы,
и никто не ходил по тропинкам
с лейкой. Да и к чему поливать из лейки буквы?
Несколько раз сюда приходила женщина
и все искала на стене свое имя.
Мы ей говорили:
Верно, вы ошибаетесь, пани,
вы еще живы.
Смотрите, пани, у вас в кошелке свежая капуста!
Но она водила по стенке маленьким,
почти детским пальчиком,
и продолжала искать свое имя.
Нет, нет, говорила она при этом,*

*я тоже должна быть где-то здесь,
между Львом и Иосифом,*

начала рыдать за кулиссами.

А финал получился просто ударным. Саша Гурвич великолепно читал очень трогательную и умиротворяющую новеллку "Сотворение мира" о маленькой девочке, сидящей на горшочке и плачущей о возможной несчастной судьбе своих будущих детей:

*Была одна девочка, совсем еще маленькая,
и эта девочка сильно плакала.
Вы уж меня извините, сидела на горшочке и
горько-прегорько плакала.
Звали ее Ева. Ладно?
Прошло полтора часа, и никто не знал,
почему она плачет.
- Ева,- говорю, - дай мне немножечко твоих слезок,
я их спрячу в маленькую черную шкатулку.
Девочке это понравилось.
Она мне их наплакала целую чашечку, потом перестала
и говорит:
Мама мне сказала, что я тоже буду мама.
И у меня будет мальчик, кудрявенький такой, хороший,
и еще девочка - толстушка и хохотушка.
И теперь я боюсь:
а вдруг с ними что-нибудь случится?!
И оттого плачу.
Дядя Людвик, давай мы с тобой сами сделаем такой мир,
чтобы в нем никто не боялся!
Мы принялись за работу и сделали его.
На славу мир удался.
Он был из пластилина, весь красный. Снаружи и внутри.
Вулканов мы делать не стали, про границы забыли,
казармы у нас не поместились, для тюрем места тоже не
осталось.
Мир этот Ева взяла с собой в постельку,
а я пошел домой и включил последние известия.*

Вот тут-то и пошли последние известия. Под оглушающие басы, в жестком ритме замелькали кадры недавнего военного путча в Чили. Контраст получился ошеломляющим. Думаю, в зале не было ни одного человека не испытавшего сильного шока в этот момент.

Играли мы "Черную шкатулку" потом и в ТюЗе, на заключительном вечере «**Весны-75**», посвященном 30-летию Победы.»